

Кировское областное государственное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования одаренных школьников»

ЗАДАНИЯ, РЕШЕНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

по проверке и оценке решений II (муниципального) этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе

в Кировской области в 2015/2016 учебном году Печатается по решению методической комиссии II (муниципального) этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе

Задания, решения и методические указания по проверке и оценке решений задач II (муниципального) этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе в Кировской области в 2015–2016 учебном году / И.В. Галкина, Т. В. Кошурникова (сост.) // Под ред. А.С. Рыловой. — Киров: Изд-во ЦДООШ, 2015. — 28 с.

Авторы и источники задач (заданий, вопросов)

Задания для 7-х классов — И.В. Галкина Задания для 8–11-х классов — Т. В. Кошурникова

Составитель

Кошурникова Т.В.

Научная редакция Рылова А.С., канд. пед. наук

Компьютерный набор Галкина И.В.

Подписано в печать 15.09.2015 Формат $60 \times 84^1/_{16}$ Бумага типографская. Усл. печ. л. 1,8 Техническая редакция — ЦДООШ Тираж 1005 экз.

- © Кировское областное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования одаренных школьников», Киров, 2015
- © И.В. Галкина, Т. В. Кошурникова, 2015

ОРГКОМИТЕТУ И ЖЮРИ II (МУНИЦИПАЛЬНОГО) ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ

В муниципальном этапе олимпиады по литературе принимают участие обучающиеся 7–11-х классов образовательных организаций.

Форма проведения муниципального этапа Олимпиады — письменная творческая работа. Муниципальный этап Олимпиады состоит из двух заданий. Время выполнения заданий для учащихся 7—8-х классов — 3 астрономических часа, для учащихся 9—11-х классов — 5 астрономических часов.

Первое задание включает в себя целостный анализ художественного текста-прозаического или поэтического. Выбор типа текста – исключительно право ученика. Учащимся предлагается написать отзыв или рецензию на незнакомый или малознакомый текст русского писателя XIX-XX веков. Для решения основных задач Олимпиады при выборе художественных текстов предметнометодическая комиссия обращается не к произведениям, входящим в школьные программы и текстуально изучаемым на уроках, а к малознакомым произведениям известных авторов или к произведениям незаслуженно забытых потомками писателей. Второе задание – творческое. Выполняя каждое задание, ученики создают текст ответа, опираясь на предложенные вопросы. Второе задание выявляет творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, издателя, комментатора, популярного блогера, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

Муниципальный этап олимпиады для учащихся 7—8-х классов состоит из одного аналитического задания и одного творческого задания. Внутри общего времени участник олимпиады сам распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием.

Муниципальный этап олимпиады для учащихся 9-11-х классов состоит из одного аналитического задания (время выполнения -3,5 астрономических часа), и одного творческого задания (время выполнения -1,5 астрономических часа). Внутри общего времени участник олимпиады сам распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием.

Система оценивания работ учащихся

Все олимпиадные задания выполняются письменно. Работы предварительно кодируются. Оценка выставляется в баллах. Работы пишутся только в прозаической форме (если в задании специально не оговаривается иное). Если участник использовал черновик, он сдает его вместе с работой. Члены жюри оценивают записи, приведенные в чистовике. Черновики не проверяются. Если задание выполнено не полностью, то члены жюри обращаются к черновику работы. Черновик может быть учтен при оценке работы в пользу участника олимпиады. Объем работ не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.

Работа должна быть независимо проверена и подписана не менее чем двумя членами жюри. В случае существенного расхождения их баллов председателем жюри назначается третий проверяющий. Его оценка и решает спорный вопрос с распределением баллов. Итоговый балл оформляется специальным протоколом, где значится шифр работы, балл и подписи всех членов жюри. Результаты проверки всех олимпиадных работ члены жюри заносят в итоговую таблицу технической ведомости оценивания работ участников олимпиады.

При оценивании олимпиадных работ муниципального этапа олимпиады методическая комиссия ориентируется на систему оценивания заключительного этапа всероссийской олимпиады по литературе, выбирая критерии оценивания, соответствующие варианту задания (критерии приведены ниже).

Организационное обеспечение процедуры проведения муниципального этапа олимпиады по литературе осуществляет оргкомитет. Момент вскрытия пакетов с заданиями должен быть зафиксирован протоколом в присутствии представителей оргкомитета и членов жюри. Наличие в аудитории дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, учебнометодической литературы, **средств мобильной связи, компьютера** и т.д.) исключается. В случае нарушения этих условий учащийся исключается из состава участников олимпиады. Перед выполнением заданий с участниками олимпиады должен проводиться инструктаж о технической стороне выполнения заданий.

Жюри муниципального этапа, согласно Положению об Олимпиаде, оценивает выполненные олимпиадные задания, проводит анализ выполненных работ, рассматривает апелляции совместно с оргкомитетом соответствующего этапа Олимпиады

Желаем успеха!

ЗАДАНИЯ 7-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

В. А. Солоухин

МСТИТЕЛЬ

Вместо того чтобы сидеть на скучном уроке по арифметике, нам выпала удача копать картошку на школьном участке. Если вдуматься, копать картошку — чудесное занятие по сравнению с разными там умножениями чисел, когда нельзя ни громко высморкаться, ни повозиться с приятелем (кто кого повалит), ни свистнуть в пальцы.

Вот почему все мы, и мальчишки и девчонки, дурачились, как могли, очутившись вместо унылого класса под чистым сентябрьским небом.

Денек стоял на редкость: тихий, теплый, сделанный из золотого с голубым, если не считать черной земли под ногами, на которую мы не обращали внимания, да на серебряные ниточки паутинок, летающих в золотисто-голубом.

Главное развлечение наше состояло в том, что на гибкий прут мы насаживали тяжелый шарик, слепленный из земли, и, размахнувшись прутом, бросали шарик— кто дальше. Эти шарики (а иной раз шла в дело и картошка) летают так высоко и далеко, что кто не видел, как они летают, тот не может себе представить. Иногда в синее небо взвивались сразу несколько шариков. Они перегоняли один другого, все уменьшаясь и уменьшаясь, так что нельзя было уследить, чей шарик забрался выше всех или шлепнулся дальше.

Я наклонился, чтобы слепить шарик потяжелее, как вдруг почувствовал сильный удар между лопаток. Мгновенно распрямившись и оглянувшись, я увидел, что по загону бежит от меня Витька Агафонов с толстым прутом в руке. Значит, вместо того чтобы бросить свой комок земли в небо, он подкрался ко мне сзади и ударил меня комком, насаженным на прут.

Многочисленные лучистые солнышки заструились у меня в глазах, а нижняя губа предательски задергалась: так бывало всегда, когда приходилось плакать. Не то чтобы нельзя было стерпеть боль. Насколько я помню, я никогда не плакал именно от физической боли. От нее можно кричать, орать, кататься по траве, чтобы было полегче, но не плакать. Зато легко навертывались слезы на мои глаза от самой маленькой обиды или несправедливости.

Ну за что он теперь меня ударил? Главное, тайком, подкрался сзади. Ничего плохого я ему не сделал. Наоборот, когда мальчишки не хотели принимать его в круговую лапту, я первый заступился, чтобы приняли. «На любака» мы с ним не дрались давнымдавно. С тех пор, как выяснилось, что я гораздо сильнее его, нас перестали стравливать. Что уж тут стравливать, когда все ясно! В последний раз мы дрались года два назад, пора бы об этом забыть. К тому же никто не держит обиды после драки «на любака». «Любак» и есть «любак»— добровольная и порядочная драка.

Ни один человек на загоне не заметил маленького происшествия: по-прежнему все собирали картошку; наверное, небо по-прежнему было голубое, а солнышко красное. Но я уж не видел ни картошки, ни солнца, ни неба. В горле у меня стоял горький комок, на душе было черно от обиды и злости, а в голове зародилась мысль отомстить Витьке, да так, чтобы в другой раз было неповадно.

Вскоре созрел план мести. Через несколько дней, когда все позабудется, я как ни в чем не бывало позову Витьку в лес жечь теплинку. А там в лесу и набью морду. Просто и хорошо. То-то он испугается один в лесу, когда я скажу ему: «Ну что, попался на узенькой дорожке?» Нет, я сзади бить не буду, я ему дам прямо в нос. Или отплатить тем же? Раз он меня сзади, — значит, и я его сзади. Только он нагнется за сухим сучком, а я как тресну по уху, чтобы загудело по всей голове. Он обернется, тут-то я ему и скажу: «Ну что, попался на узенькой дорожке?» А потом уж и в нос...

В урочный день и час, на большой перемене, я подошел к Витьке. Затаенное коварство не так-то просто скрывать неопытному мальчишке. Казалось бы, что тут такого: пригласить сверстника в лес жечь теплинку? Обычно уговариваешься об этом мимоходом, никакого волнения быть не может. На этот раз я волновался. Даже в горле стало сухо, отчего голос сделался глухой и вроде бы чей-то чужой. А руки пришлось спрятать в карманы, потому что они вдруг ни с того ни с сего задрожали.

Витька посмотрел на меня подозрительно. Его оттопыренные уши, над которыми нависали соломенные волосенки, покраснели.

- Да уж... Я знаю, ты драться начнешь. Отплачивать.
- Что ты, я забыл давно! Просто пожгем теплинку. А то, если хочешь, палки будем обжигать, а потом разукрасим их. У меня ножичек острый, вчера кузнец наточил...

Между тем положение мое осложнилось. Одно дело — нечаянно заманить в лес и там стукнуть по уху: небось знает кошка, чье мясо съела, а другое дело - весь этот разговор. Если бы Витька отнекивался, отказывался, а потом нехотя пошел, было бы куда все проще. А после моих слов он улыбнулся от уха до уха (рот у него такой, как раз от уха до уха) и радостно согласился:

– Ну ладно, тогда пойдем.

«Вот я тебе покажу «пойдем»!»— подумал я про себя. Пока шли до горы, я всю дорогу старался вспомнить, как он ни за что ни про что ударил меня промежду лопаток, и как мне было больно, и как мне было обидно, и как я твердо решил ему отплатить. Я так все точно и живо вообразил, что спина опять заболела, как и тогда, и в горле опять остановился горький комок, и даже нижняя губа вроде бы начала подрагивать, — значит, я накалился и готов к отмщению.

На горе, где начались маленькие елочки, выпал удачный момент: как раз Витька, шедший впереди меня, наклонился, что-то рассматривая на земле, а ухо его словно бы еще больше оттопырилось, так и просило, чтобы я по нему стукнул что есть силы.

– Смотри, смотри! – закричал Витька, показывая на круглую норку, уходящую в землю. Его глаза горели от возбуждения. – Шмель оттуда вылетел, я сам видел. Давай раскопаем? Может быть, там меду полно.

«Ну ладно, эту норку мы раскопаем, – решил я, – потом уж я с тобой разделаюсь!»

– Надо вырезать острые лопаточки, а ими и копать землю. Нож-то захватил?

Живо-два мы вытесали себе по отличной лопаточке и стали рыть. Дерн тут был такой плотный, что мы сломали по одной лопаточке, потом вырезали новые, а потом уж добрались до мягкой земли. Однако никакого меда или даже шмелиного гнезда в норке не оказалось. Может быть, когда-нибудь здесь вправду водились шмели, только не теперь. А зачем лазил туда шмель, которого увидел Витька, так мы и не узнали.

На опушке леса в траве мы тотчас наткнулись на стаю рыжиков. Опять наткнулся Витька, недаром у него глазищи по чайному блюдечку.

Крепкие, красные, боровые росли грибы в зеленой траве. И хоть целый день грело солнце, они все равно были холодные, как лягушки. В большом рыжике в середке стояла чистая водичка, как все равно нарочно налили для красоты. Поджарить бы на прутике, да жаль соли нет. Вот бы славно поели!

Айда за солью! – предложил Витька. – Далеко ли овраг перебежать? Хорошо бы заодно по яичку у матери стащить.

«Айда за солью! — думал я, лелея по-прежнему свой злодейский замысел. — Только не думай, что все так и кончится. Когда сбегаем за солью, я тебя обязательно пришучу в лесу, ты от меня не уйдешь».

Мы принесли соль и два куриных яйца.

– Теперь давай ямку копать.

В ямку мы положили яйца, засыпали их землей и на этом месте стали разводить теплинку. От огня земля нагреется, яйца в ней превосходно испекутся. Останется только подержать их в золе около горячих углей, чтобы немного пропахли дымком для вкуса.

Сначала мы зажгли небольшую сосновую веточку, пушистую, но высохшую, с красными иголками. Она вспыхнула от одной спички и горела так, словно гореть для нее большая радость, то есть даже ничего нет на свете лучше, чем сгореть в нашей теплинке. Она вроде бы даже не горела, а плясала, как девчонка в ярко-красном платьице. (Если вдуматься, Витька этот не такой плохой мальчишка, и в лесу с ним интересно, только вот зачем он тогда меня треснул промежду лопаток? Теперь придется ждать, когда кончим жечь теплинку).

На горящую сосновую ветку мы стали класть тонкие сухие палочки. Мы их клали сначала колодцем, крест-накрест, потом стали класть шалашиком. Постепенно пошли палочки потолще, еще потолще, и теплинка наша разгоралась ровным, сильным огнем. Она хотя и была небольшая, но сразу видно, что не скоро погаснет, если даже не подкладывать в нее дров.

Тут мы принялись за рыжики. Когда Витька насаживал на прутик свой первый рыжик, мне так и вспомнился тяжелый земляной катыш, которым он меня тогда огрел, и я подумал, не сейчас ли мне с ним расправиться, но решил, что всегда успеется, и стал насаживать свой рыжик. Рыжики шипели в огне, соль на них плавилась и вскипала пузырьками, даже что-то с шипением капало в костер - не то соль, не то грибной сок. А кончики прутьев дымились и обугливались. Мы съели все рыжики, но нам хотелось еще, так они были вкусны и душисты. Да и соль оставалась, не выбрасывать же ее! Пришлось снова идти по грибы.

Когда мы раскапывали яйца, из земли шел пар — настолько она прогрелась и пропарилась. Надо ли говорить, что яйца упеклись на славу. Мы съели с ними остатки соли. Никогда я не ел яиц вкуснее этих. (Конечно, это Витька придумал печь яйца. Всегда он что-нибудь придумает, даром что уши торчат в разные стороны).

Ну что же, вот и теплинка прогорела, сейчас пойдем домой, и тут я буду должен... Что бы еще такое придумать, очень не хочется сразу идти домой.

– Бежим на речку, – говорю я Витьке. – Помоемся там, а то вон как перемазались.
Водички попьем холодненькой. Бежим?

Все под руками у нас в деревне: лесок так лесок, речка так речка. Мы по колено заходим в светлую текучую воду, которая очень холодна теперь, в конце сентября, наклоняемся над водой и пьем ее большими вкусными глотками. Разве можно воду из колодца или самоварного крана сравнивать с этой прекрасной водой! Сквозь воду видно речное дно — камушки, травинки, песочек. Травинки стелются по дну и постоянно шевелятся, как живые.

Ну вот и попили и умылись. Делать больше нечего, надо идти домой. Под ложечкой у меня начинает ныть и сосать. Витька доверчиво идет вперед. Его уши торчат в разные стороны: что стоит развернуться и стукнуть!

Что стоит? А вот попробуй, и окажется, что это очень непросто ударить человека, который доверчиво идет впереди тебя.

Да и злости я уж не слышу в себе. Так хорошо на душе после этой теплинки, после этой речки! Да и Витька, в сущности, неплохой мальчишка, вечно он что-нибудь придумает. Придумал вот яйца стащить...

Ладно! Если он еще раз стукнет меня промежду лопаток, тогда-то уж я ему не спущу! А теперь – ладно.

Мне делается легко от принятого решения не бить Витьку. И мы заходим в село как лучшие дружки-приятели.

1961

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Личная библиотека — это не просто набор книг, в неё должны попадать только нужные книги, которые отвечают потребностям ума и души хозяина библиотеки. Какие книги есть в вашей домашней библиотеке? Назовите 3-5 ваших любимых авторов и их книги. Объясните свой выбор. Напишите свой ответ, не забудьте о необходимости доказывать свою мысль ссылками на текст.

8-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ Целостный анализ текста

Е. В. Габова

НЕ ПУСКАЙТЕ РЫЖУЮ НА ОЗЕРО

Светка Сергеева была рыжая. Волосы у неё грубые и толстые, словно яркая медная проволока. Из этой проволоки заплеталась тяжёлая коса. Мне она напоминала трос, которым удерживают на берегу большие корабли.

Лицо у Светки бледное, в крупных веснушках, тоже бледных, наскакивающих одна на другую. Глаза зелёные, блестящие, как лягушата.

Сидела Светка как раз посреди класса, во второй колонке. И взгляды наши нетнет да и притягивались к этому яркому пятну.

Светку мы не любили. Именно за то, что она рыжая. Ясное дело, Рыжухой дразнили. И ещё не любили за то, что голос у неё ужасно пронзительный. Цвет Светкиных волос и её голос сливались в одно понятие: Ры-жа-я.

Выйдет она к доске, начнёт отвечать, а голос высокий-высокий. Некоторые девчонки демонстративно затыкали уши. Забыл сказать: почему-то особенно не любили Светку девчонки. Они до неё даже дотрагиваться не хотели. Если на физкультуре комунибудь из них выпадало делать упражнения в одной паре с Рыжухой — отказывались. А как физрук прикрикнет, то делают, но с такой брезгливой миной на лице, словно Светка прокажённая. Маринке Быковой и окрик учителя не помогал: наотрез отказывалась с Сергеевой упражняться. Физрук Быковой двойки лепил.

Светка на девчонок не обижалась – привыкла, наверно.

Слышал я, что жила Светка с матерью и двумя сестрёнками. Отец от них ушёл. Я его понимал: приятно ли жить с тремя, нет, четырьмя рыжими женщинами? Мать у Светки тоже рыжая, маленького росточка. Одевались они понятно как — ведь трудно жили. Но наши девчонки трудности Рыжухи во внимание не принимали. Наоборот, презирали её ещё и за единственные потёртые джинсы. Ладно. Рыжая так Рыжая. Слишком много о ней.

Очень любили мы походы. Каждый год ходили по несколько раз. И осенью, и весной. Иногда зимой в лес выбирались. Ну, а летом говорить нечего. Летом поход был обязательно с ночёвкой.

Наше любимое загородное место было Озёл. Здесь славное озеро – длинное и не очень широкое. По одному берегу сосновый бор, по другому – луга. Мы на лугах останавливались. Палатки ставили, всё честь честью.

Мы с Женькой в походах всегда рыбачили. Тем более, в Озёле. Озеро рыбное, окуни тут брали и сорога, а ерши, так те словно в очередь выстраивались, чтобы хапнуть наживку. Всегда мы девчонкам на уху приносили. Объеденье. Хоть из-за одной ухи в походы ходи, до того вкусно.

Брали напрокат лодку – была тут небольшая лодочная станция – и плыли на середину озера. Все дни напролёт с Женькой рыбачили. А вечером... Вечером, на зорьке, самый клев, а нам половить не удавалось. Из-за Рыжухи, между прочим, из-за Светки Сергеевой.

Она с нами тоже в походы ездила. Ведь знала, что одноклассники её не любят, а всё равно ездила. Не прогонишь же.

Вечером возьмёт Светка синюю лодку и тоже на середину озера гребёт. Вокруг красота, солнышко за сосны закатывается, в воде деревья отражаются, а вода тихаятихая, и видно, как со Светкиных вёсел срываются розовые от солнца капли.

Выгребет Светка на середину озера, вёсла в воду опустит и начинает. Выть начинает.

То есть, она пела, конечно, но мы это пением не называли. Высокий голос Рыжухи раздавался далеко по озеру, по лугам.

Клевать у нас переставало.

Почему ей нужно было на середине озера петь — не понимаю. Может, окружающая природа вдохновляла? К тому же от воды резонанс сильный. Ей, наверно, нравилось, что её весь мир слышит. Что она пела — не берусь сказать. Жалобно, заунывно. Никогда я больше таких песен не слышал. Женька начинал ругаться. Ругался и плевал в озеро в сторону Рыжухи. А я неторопливо и хмуро сматывал удочки.

Выла Рыжуха час-полтора. Если ей казалось, что какая-нибудь песня не очень удавалась, она заводила её снова и снова.

Мы вытаскивали лодку на берег и шли к одноклассникам. Нас встречали смехом.

- Хорошо воет?– спрашивал кто-нибудь.
- Заслушаешься, коротко отвечал я.

А Женька разражался гневной тирадой, которую я приводить тут не буду.

Дура рыжая, – кривила губы Маринка Быкова. – И чего она с нами прётся? Выла бы себе дома.

А голос Рыжухи всё раздавался, и было в нём что-то родственное с начинающей расти травой, лёгкими перистыми облаками, тёплым воздухом, в котором роились ещё не умеющие кусаться комары.

Почему-то нам с Женькой не приходило в голову поговорить со Светкой почеловечески, попросить, чтобы она не пела над озером, не портила рыбалку. Может, она и не знала, что мешает кому-то.

В день последнего экзамена в девятом Нинка Пчелкина бросила клич:

– Кто завтра в поход?

И тут же устроила запись. Она же распределила обязанности. Девчонки закупают продукты, мальчишки добывают спальники, палатки [...].

Женька подвалил к Рыжухе, опёрся руками о её стол и сказал:

– Рыжуха, сделай доброе дело, а?

Светка вспыхнула и насторожилась. Никто к ней с просьбами не обращался.

- Какое?
- Не езди с нами в поход.

Рыжуха поджала бледные губы и ничего не ответила.

- Не поедешь? Не езди, будь другом.
- -Я с вами поеду, высоким дрожащим голосом сказала Рыжуха, а буду отдельно.

Вот это «отдельно» и было для нас всего опаснее. Опять отдельно от всех будет на озере выть! Опять вечерней зорьки мы не увидим.

Женька отошёл от Рыжей и прошептал мне:

– В этот поход я Рыжую не пущу. Или я буду не я.

Он торжествующе посмотрел на Светку, словно уже добился своего.

Тёплым июньским днём мы устроились на палубе теплохода. Нас, дружных, двадцать пять душ. У наших ног тюки с палатками, рюкзаки, из которых выпирают буханки хлеба, торчат ракетки для бадминтона. У нас с Женькой ещё и удочки. По всякому поводу мы смеёмся. Экзамены позади — весело. Лето впереди — весело.

Рыжуха сидит на краю скамейки, рядом с ней – пустое пространство. Рядом с ней никто не садится.

За минуту до того, как отчалить, к Рыжухе подходит Женька. Он в синем спортивном костюме «Адидас» — стройный симпатичный малый. Выражение лица Рыжухи встревоженное, она чувствует подвох.

- Это твоя сумка?— спрашивает Женька и кивает на допотопную дерматиновую сумку, которая стоит около Рыжухи. В сумке, наверное, бутерброды с маргарином и яйца. Сверху высовывается серенький свитер, его Рыжуха взяла, видно, на случай похолодания. Я живо представил, как она в этом свитере сидит в синей лодке и портит нам рыбалку.
 - Моя, отвечает Светка.
- Алле хоп!— восклицает Женька, хватая сумку, и бежит с ней по палубе. И вот мы слышим, как он кричит уже с причала:
 - Эй, Рыжая! Вон где твоя сумочка! Слышь?

Мы глядим через борт теплохода. Женька ставит сумку на железный пол и мчится обратно. Теплоход зафырчал, за кормой забурлило. Но трап ещё не убрали, около него стоит матрос в яркой футболке и пропускает опаздывающих пассажиров.

Рыжуха сидела-сидела, потеряно глядя в пол, потом как вскочит и – к выходу. Еле успела на берег, теплоход сразу же отчалил.

Свитера, наверно, жалко стало, бутербродов.

Женька рядом со мной стоит, Светке рукой машет и орёт:

- До свиданья, Рыжая! Гудбай! Извини, нельзя тебе на озеро, ты рыбу распугиваешь! И девчонки со своих мест ей ручкой делают, кричат противными голосами:
- Прощай, подруга!
- Больше не увидимся!
- -Xa-xa!

И давай Женьку хвалить, что он так ловко с Рыжухой устроил.

Чего девчонки радовались, я, честно говоря, не понял. Ну, мы с Женькой, ладно, нам Светка мешала рыбу ловить. А им-то что? Ведь вместе со всеми Рыжуха и не бывала — недаром её ни на одной фотографии нет. Бродила одна по лугам, одна у костра сидела, когда все уже по палаткам расходились. Ела то, что с собой из дома брала. В начале похода она свои припасы на общий стол выкладывала, но ее хлеб с маргарином и яйца Быкова в сторону двигала. При этом лицо у нее было такое же брезгливое, как на уроке физкультуры, когда выпадало делать упражнения с Рыжухой.

Теплоход ещё толком не отошёл от города, а мы о Рыжухе уже забыли. Лишь на вечерней зорьке я о ней вспомнил, и в сердце ворохнулось что-то неприятное. Но зато никто на озере не шумел. Клевало отлично. Женька был особенно оживлён. А мне это «что-то» мешало радоваться.

В десятый Рыжая не пошла. Классная сказала, что она поступила в музыкальное училище.

А ещё через пять лет произошла вот такая история.

В то время я начинал учиться в одном из Петербургских вузов. И познакомился с девушкой, которая взялась подковать меня, провинциала, в культурном отношении. В один прекрасный день Наташа повела меня в Мариинку, на оперу.

И что же я вижу в первые минуты спектакля?

На сцене появляется золотоволосая красавица. У нее белейшая кожа! Как она величаво идёт! От всей её наружности веет благородством! Пока я ещё ничего не подозреваю, просто отмечаю про себя, что молодая женщина на сцене прямо-таки роскошная. Но когда она запела высоким, удивительно знакомым голосом, меня мгновенно бросило в пот.

- Рыжуха!– ахнул я.
- Тише!– шипит на меня Наташа.
- Ты понимаешь, это Рыжуха, шепчу, нет, кричу ей шепотом, мы с ней в одном классе учились.
- Что ты говоришь?! всполошилась знакомая. Ты понимаешь, кто это? Это наша восходящая звезда!
 - Как её звать? ещё на что-то надеясь, спросил я.
 - Светлана Сергеева.

Весь спектакль я просидел, не шелохнувшись, не понимая, чего больше было в моём сердце – восторга или стыда.

После спектакля Наташа говорит:

- Может, пойдёшь за кулисы? Ей приятно будет увидеть своего земляка, да ещё одноклассника. Жаль, цветов не купили!
 - Нет, давай в другой раз, скромно ответил я.

Мне меньше всего хотелось встречаться с Рыжухой с глазу на глаз.

По дороге довольно вяло я рассказывал Наташе о Светке, о том, как пела она на озере. Теперь я не говорил, что она «выла». Мой авторитет в глазах знакомой значительно подскочил. А я в своих глазах...

– Надо же! – удивлялась Наташа. – С Сергеевой в одном классе учился!

Я плохо её слушал. Думал о том, что не Светка рыжая. Светка оказалась золотой. А рыжие мы. Весь класс рыжий.

2000 г.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выступите в роли участника книжной выставки-ярмарки и представьте издательство, которое специализируется на выпуске книг для чтения в дороге. Придумайте название для вашего стенда и составьте перечень из 8–10 книг для размещения на нём.

К каждой книге дайте краткую аннотацию (до 5 предложений), объясняющую ваш выбор.

9-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

В. Ф. Одоевский

ИНДИЙСКАЯ СКАЗКА О ЧЕТЫРЁХ ГЛУХИХ

Невдалеке от деревни пастух пас овец. Было уже за полдень, и бедный пастух очень проголодался. Правда, он, выходя из дому, велел своей жене принести себе в поле позавтракать, но жена, как будто нарочно, не приходила.

Призадумался бедный пастух: идти домой нельзя — как оставить стадо? Того и гляди, что раскрадут; остаться на месте — ещё хуже: голод замучит. Вот он посмотрел туда, сюда, видит — тальяри <деревенский сторож > косит траву для своей коровы. Пастух подошёл к нему и сказал:

 Одолжи, любезный друг: посмотри, чтобы моё стадо не разбрелось. Я только схожу домой позавтракать, а как позавтракаю, тотчас возвращусь и щедро награжу тебя за твою услугу.

Кажется, пастух поступил очень благоразумно; да и действительно, он был малый умный и осторожный. Одно в нём было худо: он был глух, да так глух, что пушечный выстрел над ухом не заставил бы его оглянуться; а что всего хуже: он говорил-то с глухим.

Тальяри слышал ничуть не лучше пастуха, и потому не мудрено, что из пастуховой речи он не понял ни слова. Ему показалось, напротив, что пастух хочет отнять у него траву, и он закричал с сердцем:

— Да что тебе за дело до моей травы? Не ты её косил, а я. Не подыхать же с голоду моей корове, чтобы твоё стадо было сыто? Что ни говори, а я не отдам этой травы. Убирайся прочь!

При этих словах тальяри в гневе потряс рукою, а пастух подумал, что он обещает защищать его стадо, и, успокоенный, поспешил домой, намереваясь задать жене своей хорошую головомойку, чтоб она впредь не забывала приносить ему завтрак.

Подходит пастух к своему дому – смотрит: жена его лежит на пороге, плачет и жалуется. Надобно вам сказать, что вчера на ночь она неосторожно покушала, да говорят ещё – сырого горошку, а вы знаете, что сырой горошек во рту слаще меда, а в желудке тяжелей свинца.

Наш добрый пастух постарался, как умел, помочь своей жене, уложил её в постель и дал горькое лекарство, от которого ей стало лучше. Между тем он не забыл и позавтракать. За всеми этими хлопотами ушло много времени, и на душе у бедного пастуха стало неспокойно. "Что-то делается со стадом? Долго ли до беды!" — думал пастух. Он поспешил воротиться и, к великой своей радости, скоро увидел, что его стадо спокойно пасётся на том же месте, где он его оставил. Однако же, как человек благоразумный, он пересчитал всех своих овец. Их было ровно столько же, сколько перед его уходом, и он с облегчением сказал самому себе: «Честный человек этот тальяри! Надо наградить его».

В стаде у пастуха была молодая овца; правда, хромая, но прекрасно откормленная. Пастух взвалил её на плечи, подошел к тальяри и сказал ему:

 Спасибо тебе, господин тальяри, что поберёг моё стадо! Вот тебе целая овца за твои труды.

Тальяри, разумеется, ничего не понял из того, что сказал ему пастух, но, видя хромую овцу, вскричал с сердцем:

- A мне что за дело, что она хромает! Откуда мне знать, кто её изувечил? Я и не подходил к твоему стаду. Что мне за дело?
- Правда, она хромает, продолжал пастух, не слыша тальяри, но все-таки это славная овца – и молода и жирна. Возьми её, зажарь и скушай за моё здоровье с твоими приятелями.

— Отойдешь ли ты от меня, наконец! — закричал тальяри вне себя от гнева. - Я тебе ещё раз говорю, что я не ломал ног у твоей овцы и к стаду твоему не только не подходил, а даже и не смотрел на него.

Но так как пастух, не понимая его, всё ещё держал перед ним хромую овцу, расхваливая её на все лады, то тальяри не вытерпел и замахнулся на него кулаком.

Пастух, в свою очередь, рассердившись, приготовился к горячей обороне, и они, верно, подрались бы, если бы их не остановил какой-то человек, проезжавший мимо верхом на лошади.

Надо вам сказать, что у индийцев существует обычай, когда они заспорят о чёмнибудь, просить первого встречного рассудить их. Вот пастух и тальяри и ухватились, каждый со своей стороны, за узду лошади, чтоб остановить верхового.

- Сделайте милость, сказал всаднику пастух, остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Я дарю вот этому человеку овцу из моего стада в благодарность за его услуги, а он в благодарность за мой подарок чуть не прибил меня.
- Сделайте милость, сказал тальяри, –остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Этот злой пастух обвиняет меня в том, что я изувечил его овцу, когда я и не подходил к его стаду.

К несчастью, выбранный ими судья был также глух, и даже, говорят, больше, нежели они оба вместе. Он сделал знак рукою, чтобы они замолчали, и сказал:

— Я вам должен признаться, что эта лошадь точно не моя: я нашел её на дороге, и так как я очень тороплюсь в город по важному делу, то, чтобы скорее поспеть, я и решился сесть на неё. Если она ваша, возьмите её; если же нет, то отпустите меня поскорее: мне некогда здесь дольше оставаться.

Пастух и тальяри ничего не расслышали, но каждый почему-то вообразил, что ездок решает дело не в его пользу. Оба они ещё громче стали кричать и браниться, упрекая в несправедливости избранного ими посредника.

В это время на дороге показался старый брамин <служитель в индийском храме>. Все три спорщика бросились к нему и стали наперебой рассказывать своё дело. Но брамин был так же глух, как они.

– Понимаю! Понимаю! – отвечал он им. – Она послала вас упросить меня, чтоб я воротился домой (брамин говорил про свою жену). Но это вам не удастся.

Знаете ли вы, что во всем мире нет никого сварливее этой женщины? С тех пор как я на ней женился, она меня заставила наделать столько грехов, что мне не смыть их даже в священных водах реки Ганга. Лучше я буду питаться милостынею и проведу остальные дни мои в чужом краю. Я решился твердо; и все ваши уговоры не заставят меня переменить моего намерения и снова согласиться жить в одном доме с такою злою женою.

Шум поднялся больше прежнего; все вместе кричали изо всех сил, не понимая один другого. Между тем тот, который украл лошадь, завидя издали бегущих людей, принял их за хозяев украденной лошади, проворно соскочил с неё и убежал.

Пастух, заметив, что уже становится поздно и что стадо его совсем разбрелось, поспешил собрать своих овечек и погнал их в деревню, горько жалуясь, что нет на земле справедливости, и приписывая все огорчения нынешнего дня змее, которая переползла дорогу в то время, когда он выходил из дому, — у индийцев есть такая примета.

Тальяри возвратился к своей накошенной траве и, найдя там жирную овцу, невинную причину спора, взвалил её на плечи и понёс к себе, думая тем наказать пастуха за все обиды.

Брамин добрался до ближней деревни, где и остановился ночевать. Голод и усталость несколько утишили его гнев. А на другой день пришли приятели и родственники и уговорили бедного брамина воротиться домой, обещая усовестить его сварливую жену и сделать её послушнее и смирнее.

Знаете ли, друзья, что может прийти в голову, когда прочитаешь эту сказку?

Кажется, вот что: на свете бывают люди, большие и малые, которые хотя и не глухи, а не лучше глухих: что говоришь им – не слушают; в чем уверяешь – не понимают; сойдутся вместе – заспорят, сами не зная о чем. Ссорятся они без причины, обижаются без обиды, а сами жалуются на людей, на судьбу или приписывают своё несчастье нелепым приметам – просыпанной соли, разбитому зеркалу... Так, например, один мой приятель никогда не слушал того, что учитель говорил ему в классе, и сидел на скамейке словно глухой. Что же вышло?

Он вырос дурак дураком: за что ни примется, ничто ему не удается. Умные люди об нём жалеют, хитрые его обманывают, а он, видите ли, жалуется на судьбу, что будто бы несчастливым родился.

Сделайте милость, друзья, не будьте глухи! Уши нам даны для того, чтобы слушать. Один умный человек заметил, что у нас два уха и один язык и что, стало быть, нам надобно больше слушать, нежели говорить.

1841

Д. С. Самойлов

СКОМОРОХИ

Посвящается Л. Сергееву

По тусклым дорогам идут скоморохи, По главному шляху, по малой дороге. Отвергнуты церковью, признаны Богом По русским дорогам идут скоморохи...

Что могут они? – Потешать, скоморохи. Что могут они? – Рассмешить, скоморохи. А могут ли что-то решить скоморохи, Какие вопросы, в какие эпохи...

Пойдут они в город, посмотрятся, где бы Устроить им игрища утречком рано, Для красных Петрушек поставить вертепы Поближе к базару, подальше от храма.

Забудет старуха невзгоды и беды, Забудут холопы кабальные сети, Забудет боярин войну и победы, Когда затанцуют козлы и медведи. 1973

Пусть к злобе и мести взывают пророки, Пускай кулаки воздвигают над веком. Народу надежду внушат скоморохи

Воспрянет старуха с козой на аркане, Торговые люди, стрельцы, лесорубы. И даже боярин в брусничном кафтане И ангелы грянут в небесные трубы.

И смехом его напитают, как млеком.

По тусклым дорогам идут скоморохи, По главному шляху, по малой дороге. Отвергнуты церковью, признаны Богом По русским дорогам идут скоморохи...

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте сонет Леонида Гроссмана. Определите, кому он посвящён. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу? Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям: песенник Ундины, офорт, капуцины, гомункулы, сын турчанки, арабески, Рустем, Дамаянти.

Светит месяц, дол сребрится, Мертвый с девицею мчится... В дворцовой келье песенник Ундины Вычерчивал таинственный офорт, Где ужас лунным призраком простёрт Над башнями готической руины. Он видел мир, где бродят капуцины, Гомункулы родятся из реторт,

И вьётся ураган бесовских орд У виселиц заклятой котловины. Но сын турчанки полюбил Восток, Реченья мудрых в арабесках строк, Слова любви в персидском фолианте И вкрадчивые шелесты поэм, Где брачной лаской тешится Рустем И в пламени блуждает Дамаянти.

10-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ Целостный анализ текста

А. С. Грин

ДИКАЯ РОЗА

T

Центр порта остался далеко сзади. Гуляя, я зашел в полосу пустырей. Справа на белом песке лежали опрокинутыетрыбачьи лодки; висели, на шестах, сети, а слева, за канавами и оврагами, зелегнели обширные рощи.

Я пробрался туда и щел зарослями, пока не очутился на границе обширного четырехугольника,— целой площади, завленнлй полусгоревшими деревьями, почерневшими досками и другим мусором — следы пожара, уничтожившего, повидимому, огромное здание. Судя по остаткам фундамента,— белым мраморным глыбам, — здание целиком было выстроено из этого драгоценного материала. Мраморный остов, за малыми исключениями, надо полагать, разобрали и увезли для иных целей.

Местоположение исчезнувшего дворца было избрано очень удачно. С этой плоской возвышенности была отлично видна вся бухта — синий, овальный разлив среди ясных линий холмов, с воздушным узором мачт и белыми парусами кораблей, готовых к отплытию.

Среди печального хаоса виднелись запущенные дорожки аллей. Почти единственной растительностью, кроме уцелевших, кое-где, тисов и кедров, были розовые кусты, с цветками всех оттенков и форм — желтые, белые, бледно-розовые, розовые и красные; изобилие их, в соединении с ароматом, действовал, как легкое, увлекающее к мечтам, вино.

Пока я осматривался из кустов, неожиданно, вышел мрачный, костлявый человек с безумным лицом. Он был одет рвано и грязно, но держался прямо, как столб, и двигался с манерностью театральной – с оттенком величия.

Войдите, – небрежно сказал он, протягивая мне руку с ногтями леопарда. – Я – Аспер. Мой дом к вашим услугам.

Я попятился.

- Граф! прдолжал безумец.—В ващей стране, я уверен, нет ничего подобного. Тридцать зал и четыреста восемьдесят других помещений. В храме Соломона было меньше дерева драгоценных сортов, чем у меня.
 - Я не граф, сказал я, а только любопытный турист, без титула. А вы кто?
- Я сказал!— гневно возразил он.— Разве вы не узнали меня? На моем недавнем балу мы пили коктейль с инбирем. Я вас угощал сигарами. Лукавый граф!

Надеясь свести тягостную болтовню сумасшедшего к серебряной монете, я протянул ему портсигар , говоря:

- Кстати- я проиграл вам тогда десять пезет. Закуривайте; сейчас я отдам долг.
- Мне?!
- –Да. Что удивительного в этом?
- Ступай, приятель! гордо сказал он. Уходи. Ты подкуплен Ротшильдом и хочешь сжечь «Дикую Розу». Эй! Кто-нибудь! Вывести этого господина!

Он прижал палец к стволу дерева и долго тыкал в воображаемую кнопку звонка, забыв, по-видимому, о моем присутствии. Я поспешно ушел.

Лучше всех знал местную жизнь старик Макарб. Он рассказал мне о сумасшедшем и о «Дикой Розе», а я, отбросив из его рассказа все несущественное, передаю суть события скупо и осторожно, в надежде, что его смысл важнее деталей.

Дряхлея, золотой бог страны, владелец восьмидесяти пароходов, Аспер решил оставить по себе памятник красоты и выстроил дворец «Дикая Роза» – истинное чудо грандиозной художественной фантазии.

Стройка длилась три года. Весь дворец был сложен из белого мрамора. С моря он напоминал причудливое, снежной белизны облако, осевшее в громадном лесу. Внутри был тревожный рай, вызывающий неописуемое волнение. «Дикую Розу» мог посетить всякий. В нее влюблялись, как влюбляются в женщину, героиню романа или статую.

В Зурбагане жил столяр Джонатан Мельдер, молодой человек необщительного и замкнутого характера.

Однажды ему привелось работать внутри дворца две недели – мелочный ремонт, требовавший лака и молотка. Мельдер приходил рано утром и возвращался домой к закату.

Внутри «Дикой Розы» была спокойная, особенная тишина здания, назначенного служить Духу. Столяр попадал в царство Шехеризады. Память не удерживала смену архитектурных видений, блеска драгоценных глубин, знойной пестроты, музыкальной торжественности, просторов, гротов арок, переходов и мостиков. Временами идущий попадал в тень; ступени вели его к далекому, могучему свету, отрезанному колоннадами, и здесь, удерживая взволнованное дыхание, видел он зловещее царство воды, падающей в бассейны с высоты белых уступов – целая река, с ее зеленью, солнцем и игрой струй водопадом врывалась в стены; фонтаны, в прорезах арок, выметывали, среди ползучих растений, серебристые перья брызг; а тени углов, заросших пальмами, изливали ручьи, стремительно текущие среди мхов к мозаичным срывам. Иногда, как на причудливом рисунке, встречал глаз волны золотых нитей, откинутых к свету, выделившему черные и белые статуи. Иногда лестница, ведя высоко среди ваз и массивного серебра, оканчивалась залой, где в вырезах стен блистали отдаленные перспективы, полные грациозным хаосом. Временами расположение углов образовывало как бы зигзаг скал, среди которых веселый свет перечислял прекрасную резьбу и ткани, покрывавшие их. Иногда – намек, луч в тени, падающий на бронзу; щель двери с мелькающей позади ее анфиладой; узор ковра или колонна, прикрывающая таинственные ступени, - вызывали отчетливую тоску – демона неосознанных желаний, отголоски снов, воспоминания сказок. Шаги раздавались здесь смиренными, убегающими отзвуками. Время шло незаметно.

Каждый день Мельдер возвращался домой, словно проснувшийся. Сном была «Дикая Роза», действительностью — улица и подвал, где, около печки, стояла убогая кровать, а на столе ожидала его чашка с нехитрой пищей.

Когда работа кончилась, Мельдер, выйдя, в последний раз, из дворца, пошел не прямо домой, а сел у моря на камень и долго рассматривал, издали, «Дикую Розу». Его тянуло туда. Он привык ко сну. Просидев около часа, с нахмуренным и бледным лицом, Мельдер пришел в кабак и возвратился домой вечером на другой день.

П

Во время отсутствия Аспера, уехавшего в Каир, Зурбаган был потрясен бунтом, ближайшей причиной которого взрыв порохового завода.

Толна хулиганов, среди которых было немало также портовых рабочих и матросов, подступила ночью второго дня беспорядков к !Дикой Розе!. Грабителями предводительствовал столяр Мельдер.

Он шел впереди, как бы опасаясь, что люди, забежавшие вперед, мало оставят ему для топора, обухом которого он сокрушал окружающее. Толпа его бушевала внизу, оставляя, в грохоте и пыли, комнату за комнатой, залу за залой, набивая карманы и хлопая по зеркалам пулями, а Мельдер уже носился везде, яростно сокрушая все, податливое железу. Брызг стекла и камня рассыпались вокруг. Он бил вещи с ощущением настоящего кровопролития. Он повисал на драпировках и падал вместе с ними, топтал их и орал пьяные песни; подскакивая к статуям, он бил их топором в грудь или по голове. Яд разрушения бушевал в его жилах. Грохот, производимый им, умноженный эхом, переходил в долгий, несмолкающий стон пространства. Он злобствовал от мысли, что бессилен уничтожить все сразу. Временами он останавливался, как бы пораженный огромностью предстоящей работы, а затем, еще порывистее, еще ожесточеннее кидался к окнам и вазам, растениям и картинам.

И вот, очутился он в сравнительно небольшом, строгого вида, помещении, сплошь уставленном тяжелыми книжными шкафами. Здесь был, как бы, мозг дома, освещение его мыслью, отлитой в буквы и переплеты. Мельдер инстинктивно чувствовал это. Он бил и поворачивался с быстротой ящерицы; к его ногам сыпались книги, образуя хаотические вороха. Наконец, топор, случайно, ударил по небольшой дверце в простенке; оттуда вывалились бумаги, свертки и, среди них, – один, скрепленный драгоценным браслетом.

— Ага! — сказал столяр,— наконец-то, я нашел одну, маленькую, но приятную вещь! — Он сорвал браслет, сунул его в карман и машинально пробежал первые строки большого пергаментного листа, который держал в руке.

Там было:

«Я, нижеподписавшийся, Джонатан Аспер, оставляю все мое состояние незаконнорожденному моему сыну, столяру Джонатану Мельдеру, сыну девицы Алоизы Мельдер, родившейся в Зурбагане. Надеясь этим искупить грех моей молодости, я…»

Мельдер не читал дальше. Он оглянулся и замер. Трепеща, сложил он завещание, поцеловал его и сунул за пазуху. Затем он поднял расколотый бюст Вольтера и попытался соединить разбитые части, но , не успев в этом, положил куски на карниз шкафа. Наконец, полное сознание, отброшенное было внезапным потрясением к задворкам души,— вернулось и опалило его.

Он бросился вниз. По лестнице поднималась толпа, потрясая кирками и топорами.

– Назад! – крикнул Мельдер.– Назад, грабители! Все это мое! Никто не смей тронуть пальцем даже стен этих! Вон! Прочь отсюда!

Хохот и ругательства были ему ответом.

—Прочь ты! — сказал мрачный вор.- Все здесь хозяева! Зачем много пить, Мельдер?! Пить будешь завтра!

Толпа, двинувшись вперед, оттеснила Мельдера. Тогда, вне себя от горя и гнева, Мельдер ударил топором первого попавшегося. Его сбили с ног, избили и сбросили вниз, откуда, еле живой, он нашел, все-таки, достаточно сил выбраться в сад, и здесь лишился сознания.

Тем временем из окон повалил дым. Пожар — конечное торжество разрушения — блеснул ужасными своими огнями, и дикий вой пронесся среди чертогов, спешно покидаемых хулиганами.

Дворец сгорел. Из пепла возродился Феникс — та жалкая фигура безумца, счастливого призраками, которого видел я среди роз и печальных мраморных глыб.

Весь Зурбаган знает счастливого наследника. Ему охотно дают пищу и деньги, а он приглашает посмотреть «Дикую Розу».

1917

АКТЕРЫ

Минувшей юности своей Забыв волненья и измены, Отцы уж с отроческих дней Подготовляют нас для сцены.-Нам говорят: «Ничтожен свет, В нем все злодеи или дети, В нем сердца нет, в нем правды нет, Но будь и ты как все на свете!» И вот, чтоб выйти напоказ, Мы наряжаемся в уборной; Пока никто не видит нас, Мы смотрим гордо и задорно. Вот вышли молча и дрожим, Но оправляемся мы скоро И с чувством роли говорим, Украдкой глядя на суфлера. И говорим мы о добре, О жизни честной и свободной, Что в первой юности поре Звучит тепло и благородно, О том, что жертва – наш девиз, О том, что все мы, люди, - братья, И публике из-за кулис Мы шлем горячие объятья. И говорим мы о любви, К неверной простирая руки, О том, какой огонь в крови, О том, какие в сердце муки; И сами видим без труда, Как Дездемона наша мило,

Лицо закрывши от стыда, Чтоб побледнеть, кладет белила. Потом, не зная, хороши ль Иль дурны были монологи, За бестолковый водевиль Уж мы беремся без тревоги. И мы смеемся надо всем, Тряся горбом и головою, Не замечая между тем, Что мы смеялись над собою! Но холод в нашу грудь проник, Устали мы – пора с дороги: На лбу чуть держится парик, Слезает горб, слабеют ноги... Конец. – Теперь что ж делать нам? Большая зала опустела... Далеко автор где-то там... Ему до нас какое дело? И, сняв парик, умыв лицо, Одежды сбросив шутовские, Мы все, усталые, больные, Лениво сходим на крыльцо. Нам тяжело, нам больно, стыдно, Пустые улицы темны, На черном небе звезд не видно -Огни давно погашены... Мы зябнем, стынем, изнывая, А зимний воздух недвижим,

И обнимает ночь глухая

Нас мертвым холодом своим.

1861

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте сонет Леонида Гроссмана. Определите, кому он посвящён. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу? Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям: на обликах Петра и Дон-Жуана, напев Бахчисарайского фонтана и чумный пир, Дельвиг, пропасти земли, Вильгельм, страсть кавалергардского шуана, Киприда, Монтень.

Пришли мне Essais de Montaigne — четыре синих книги на длинных моих полках. Н.Н. Пушкиной, 1835.

Был полдень жизни. Тени залегли На обликах Петра и Дон-Жуана. Напев Бахчисарайского фонтана И чумный пир, смолкая, отошли. Скончался Дельвиг. В пропасти земли Ушёл Вильгельм из невского тумана, И страсть кавалергардского шуана Уже смутила сердце Натали.

Но он, ещё не чувствуя обиды, Устав на буйных празднествах Киприды, Был тих и прост. В покое зрелых сил, Не веря в страсть, заздравных чаш не пеня, Он терпкое вино сомненья пил

Из синих книжек мудрого Монтеня.

11-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ Целостный анализ текста

В. А. Пьецух

НАШ ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

Учитель древнегреческого языка Беликов, в сущности, не знал, чего он боялся, и умер от оскорбления; учитель русского языка и литературы Серпеев отлично знал, чего он боялся, и умер оттого, что своих страхов не пережил. Беликов боялся, так сказать, выборочно, а Серпеев почти всего: собак, разного рода привратников, милиционеров, прохожих, включая древних старух, которые тоже могут походя оболгать, неизлечимых болезней, метро, наземного транспорта, грозы, высоты, воды, пищевого отравления, лифтов, – одним словом, почти всего, даже глупо перечислять.

Беликов всё же был сильная личность, и сам окружающих застращал, постоянно вынося на люди разные пугательные идеи; Серпеев же был слаб, задавлен своими страхами и, кроме как на службу, во внешний мир не совал носа практически никогда, и даже если его посылали на курсы повышения квалификации, которыми простому учителю манкировать не дано, он всегда исхитрялся от этих курсов как-нибудь увильнуть. Нет, всё-таки жизнь не стоит на месте.

Уже четырёх лет от роду он начал бояться смерти. Однажды малолетнего Серпеева сводили на похороны дальней родственницы, и не то чтобы грозный вид смерти его потряс, а скорее горе — отец потряс, который его уведомил, что-де все люди имеют обыкновение умирать, что-де такая участь и Серпеева-младшего не минует; обыкновенно эта аксиома у детей не укладывается в голове, но малолетний Серпеев ею проникся бесповоротно.

Ребенком он был, что тогда называлось, интеллигентным, и поэтому его частенько лупили товарищи детских игр. Немудрено, что во всю последующую жизнь он мучительно боялся рукоприкладственного насилия. Стоило ему по дороге из школы домой или из дома в школу встретить человека с таким лицом, что, кажется, вот-вот съездит по физиономии, съездит ни с того ни с сего, а так, ради простого увеселения, как Серпеев весь сразу мягчал и покрывался холодным потом.

Юношей, что-то в начале 60-х годов, он однажды отстоял три часа в очереди за хлебом, напугался, что в один прекрасный день город вообще оставят без продовольствия, и с тех пор запасался впрок продуктами первой необходимости и даже сушил самостоятельно сухари; автономного существования у него всегда было обеспечено чтонибудь на полгода.

В студенческие времена в него чудом влюбилась сокурсница по фамилии Годунова; в объяснительной записке она между делом черкнула «ты меня не бойся, я человек отходчивый» и вогнала его во многие опасения, поскольку, значит, было чего бояться; действительно, из ревности или оскорблённого самолюбия Годунова могла какнибудь ошельмовать его перед комсомольской организацией, плеснуть в лицо соляной кислотой, а то и подать на алименты в народный суд, нарочно понеся от какого-нибудь третьего человека; с тех пор он боялся женщин.

Впоследствии мир его страхов обогащался по той же схеме: он терпеть не мог подходить к телефону, потому что опасался ужасающих новостей и ещё потому что, было время, ему с месяц звонил неопознанный злопыхатель, который спрашивал: «Это контора ритуальных услуг?» — и внимательно дышал в трубку; он боялся всех без исключения звонков в дверь, имея на то богатейший выбор причин, от цыган, которые запросто могут оккупировать его однокомнатную квартиру, до бродячих фотографов, которых жаль до слезы в носу; он боялся всевозможных повесток в почтовом ящике, потому что его однажды по ошибке

вызвали в кожно-венерологический диспансер и целых два раза таскали в суд; он боялся звуков ночи, потому что по ночам в округе то страшно стучали, то страшно кричали, а у него не было сил, если что, поспешить на помощь. Между прочим, из всего этого следует, что его страхи были не абстракциями типа «как бы чего не вышло», а имели под собой в той или иной степени действительные резоны.

То, что он боялся учеников и учителей, особенно учителей, – это, как говорится, само собой. Ученики свободно могли отомстить за неудовлетворительную отметку, чему, кстати сказать, были многочисленные примеры, а учителя, положим, написать анонимный донос, или оскорбить ни за что ни про что, или пустить неприятный слух; по этой причине он с теми и другими был прилично подобострастен.

В конце концов Серпеев весь пропитался таким ужасом перед жизнью, что принял целый ряд конструктивных мер, с тем чтобы, так сказать, офутляриться совершеню: на входную дверь он навесил чугунный засов, а стены, общие с соседями, обил старыми одеялами, которые долго собирал по всем родственникам и знакомым, он избавился от радиоприемника и телевизора из опасения, как бы в его скорлупу не вторглась апокалипсическая информация, окна занавесил ситцевыми полотнами, чтобы только они пропускали свет, на службу ходил в очках с незначительными диоптриями, чтобы только ничего страшного в лицах не различать. Придя из школы, он обедал похолостяцки, брал в руки какую-нибудь светлую книгу, написанную в прошлом столетии, когда только и писались светлые книги, ложился в неглиже на диван и ощущал себя счастливчиком без примера, каких ещё не знала история российского человечества.

Теперь ему, собственно, оставалось позаботиться лишь о том, как бы избавиться от необходимости ходить в школу и при этом не кончить голодной смертью. Однако этот вопрос ему казался неразрешимым, потому что он был порядочным человеком, и ему претила мысль оставить детей на тех злых шалопаев, которые почему-то так и льнут к нашим детям и которые, на беду, составляли большинство учительства в его школе; кроме того, он не видел иного способа как-нибудь прокормиться.

Со временем эта проблема решилась сама собой. Как-то к нему внезапно явилась на урок проверяющая из городского отдела народного образования, средних лет бабенка с приятным лицом, насколько позволяли увидеть его диоптрии. К несчастью, то был урок на самовольную тему «Малые поэты XIX столетия», которой Серпеев подменил глупую плановую тему, что он вообще проделывал более или менее регулярно. К вящему несчастью, Серпеев был не такой человек, чтобы немедленно перестроиться, да и не желал он перестраиваться на виду у целого класса, и, таким образом, в течение тридцати минут разговор на уроке шел о первом декаденте Минском, который в своё время шокировал московскую публику звериными лапами, привязанными к кистям рук, о Якубовиче, авторе «на затычку», <...> и особенно некстати было процитировано из Крестовского одно место, где ненароком попался стих «И грешным телом подала» — не совсем удобный, хотя и прелестный стих.

Проверяющая была в ужасе. На перемене она с глазу на глаз честила Серпеева последними словами и в заключение твёрдо сказала, что в школе ему не место. Но потом она присмотрелась к ненормально забитому выражению его глаз, подумала и спросила:

– Послушайте: а может быть, вы чуточку не в себе?

И тут Серпееву, с эффектом внезапного электрического разряда, пришло на мысль, что это они все чуточку не в себе, а он-то как раз в себе. Через несколько минут он окончательно в этом мнении укрепился, когда вышел из школы и возле автобусной остановки увидел пьяного учителя рисования с настоящей алебардой и слепым голубем на плече.

Дня два спустя от директора школы последовало распоряжение подать заявление об уходе. Серпеев заявление подал, и у него как гора с плеч свалилась, до такой степени

он почувствовал себя выздоровевшим, что ли, освобождённым. Вот только детей было жаль, особенно после того, как к нему в вестибюле подошел середнячок Парамонов и сказал, что он не представляет себе жизни без его уроков литературы.

– Без уроков русского языка, – далее сказал он, – я его себе очень даже представляю, но литература – это совсем другое.

Парамоновские слова натолкнули Серпеева на идею, так сказать, внешкольного курса словесности, который он мог бы вести для особо заинтересованных учеников хотя бы у себя дома. Таким образом, этическая сторона его отступления была обеспечена: человек пятнадцать-двадцать ребят из старших классов стали приходить к Серпееву дважды в неделю, и он по-прежнему учил их, если можно так выразиться, душе, опираясь главным образом на светлую литературу XIX столетия.

Знал Серпеев, чего боялся, да не до логического конца. Месяца через два после начала занятий, в назначенный день недели, к нему явился один середнячок Парамонов и сообщил, что прочие не придут.

- Почему?... спросил его Серпеев в горьком недоумении.
- Потому что нам велели на вас заявление написать. Что вы на дому распространяете чуждые настроения. Конечно, кто же после этого к вам придёт!
 - Но ведь ты-то пришел, с надеждой сказал Серпеев.
- Я человек конченый, ответил Парамонов, неизвестно что имея в виду, откланялся и ушёл.

Словом, случилось худшее из того, чего только мог ожидать Серпеев,—его вотвот должны были арестовать и засадить в кутузку за подрывную агитацию среди учащейся молодежи. Он сорок восемь часов подряд ожидал ареста, а на третьи сутки с ним приключилась сердечная недостаточность, и он умер.

В глазах коллег и кое-каких знакомых он ушел из жизни с репутацией просто несчастного человека, и это обстоятельство заслуживает внимания: сто лет тому назад учителя Беликова с большим удовольствием провожали в последний путь, потому что держали за вредную аномалию, а в конце XX столетия учителя Серпеева все жалели.

Нет, всё-таки жизнь не стоит на месте. 1989

И. А. Бродский

РОМАНС КОЛОМБИНЫ

Мой Арлекин чуть-чуть хитрец,— Так мало говорит, Мой Арлекин чуть-чуть мудрец, Хотя простак на вид, Ах, Арлекину моему Успех и слава ни к чему, Одна любовь ему нужна,— И я его жена.

Он разрешит любой вопрос, Хотя на вид простак, На самом деле он не прост, Мой Арлекин – чудак. Увы, он сложный человек, Но главная беда, – Что слишком часто смотрит вверх В последние года. А в небесах летят, летят, Летят во все концы, А в небесах свистят, свистят Железные птенцы. И белый свет, железный свист Я вижу из окна. Ах, Боже мой, как много птиц,

А жизнь всего одна.

Мой Арлекин чуть-чуть мудрец, Хотя простак на вид, — Нам скоро всем придёт конец! — Вот так он говорит. Мой Арлекин хитрец, простак, Привык к любым вещам, Он что-то ищет в небесах И плачет по ночам. Я Коломбина, я жена, Я езжу вслед за ним, Свеча в фургоне зажжена, Нам хорошо одним, В вечернем небе высоко Птенцы, и я смотрю. И что-то в этом от того, Чего я не люблю.

Проходят дни, проходят дни Вдоль городов и сёл, Мелькают новые огни, И музыка, и сор, И в этих сёлах, городах Я коврик выношу, И муж мой ходит на руках, А я опять пляшу.

На всей земле, на всей земле Не так уж много мест, Вот Петроград шумит во мгле, В который раз мы здесь. Он Арлекина моего В свою уводит мглу. Но что-то в этом от того, Чего я не люблю.

Сожми виски, сожми виски, Сотри огонь с лица, Да, что-то в этом от тоски, Которой нет конца! Мы в этом мире на столе Совсем чуть-чуть берём. Мы едем, едем по земле Покуда не умрем.

1970

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте сонет Леонида Гроссмана. Определите, кому он посвящён. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу? Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям: Чингисхан, пуншевые стаканы, чесменские ветераны, вожатый партизанов, доломан, легкоконных, герой Бриенский, парадной кистью написал Кипренский.

Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю. В хмельной толпе отчаянных рубак, Под звонкий говор пуншевых стаканов, Ты зажигал чесменских ветеранов Своим стихом, курчавый весельчак! Поэт, стратег, сатирик и казак, По льду болот вожатый партизанов, Ты целым вихрем пестрых доломанов Бросал свои полки в огонь атак. По лагерям, в манежах эскадронных, Средь топота дивизий легкоконных, Кидаясь в бой, стреляя и рубя, Везде носился ты, герой Бриенский, Победным витязем! Таким тебя Парадной кистью написал Кипренский.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И КЛЮЧИ К ЗАДАНИЯМ

7-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Критерии оценивания

$\mathcal{N}\!$	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
	Максимальная оценка	50

Под «целостным анализом текста» мы понимаем не обязательный учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней — от фонетической и ритмикометрической стороны до контекста и интертекста. Мы рекомендуем сосредоточиться на тех аспектах текста, которые актуализированы в нем и в наибольшей степени «работают» на раскрытие заложенных в нем смыслов. Специально оговариваем также: анализ текста — это не повод демонстрировать знание филологической терминологии; в первом очередь, это привлечение внимания учащегося к её художественному назначению в тексте, характеристике её функциональной нагрузки. Цель анализа предложенного произведения состоит не в создании наукообразного текста о тексте художественном. Обилие терминов в работе еще не означает научности. Гораздо важнее сказать о своем понимании ясно и точно, а термины использовать к месту и дозированно. (Из методических рекомендаций, подготовленных Центральной предметно-методической комиссией по литературе (ЦПМК) в 2015 году).

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Максимально возможный балл – 20 баллов.

Критерии оценивания

$\mathcal{N}\!$	Критерии	Баллы
1	Понимание поставленных в задании вопросов и умение работать в предложенном направлении	5
2	Аргументация, привлечение литературного материала: по 1 баллу за каждое наименование литературного произведения	5
3	Цельность, стройность работы участника олимпиады	3
4	Оригинальность работы. (Точность, тонкость, свежесть наблюдений, яркость стиля)	3
5	Следование нормам речи:	4
a)	- допущена 1 речевая ошибка	3
б)	- допущены 2 речевые ошибки	2
в)	- допущены 3 речевые ошибки	1
г)	- допущено 4 и более речевых ошибок	0
	Максимальная оценка	20

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 7-м классе – 70 баллов.

8-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Критерии оценивания

$\mathcal{N}\!$	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
	Максимальная оценка	50

Под «целостным анализом текста» мы понимаем не обязательный учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней – от фонетической и ритмико-метрической стороны до контекста и интертекста. Мы рекомендуем сосредоточиться на тех аспектах текста, которые актуализированы в нем и в наибольшей степени «работают» на раскрытие заложенных в нем смыслов. Специально оговариваем также: анализ текста — это не повод демонстрировать знание филологической терминологии; в первом очередь, это привлечение внимания учащегося к её художественному назначению в тексте, характеристике её функциональной нагрузки. Цель анализа предложенного произведения состоит не в создании наукообразного текста о тексте художественном. Обилие терминов в работе еще не означает научности. Гораздо важнее сказать о своем понимании ясно и точно, а термины использовать к месту и дозированно. (Из методических рекомендаций, подготовленных Центральной предметно-методической комиссией по литературе (ЦПМК) в 2015 году).

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Комментарий к заданию

Данное задание проверяет как общую читательскую эрудицию и вкус участника олимпиады, так и его умение ёмко и занимательно представить конкретные книги, охарактеризовав их с учетом адресата — потенциального читателя; владение жанром краткой аннотации к книге.

Максимально возможный балл –26 баллов.

Критерии оценивания

$\mathcal{N}_{\underline{o}}$	Критерии	Баллы
1	Уместное и оригинальное название выставочного проекта (стенда),	5
	обоснование концепции издательства	3
2	Отбор изданий – по 0,5 балла за каждое наименование литературного	5
	произведения	3
3	Написание аннотации к каждому произведению – по 1 баллу за каждую	10
4.	Правильный литературный язык, стилистически соответствующий со-	2
	держанию	2
5.	Следование нормам речи:	4
a)	- допущена 1 речевая ошибка	3
б)	- допущены 2 речевые ошибки	2
в)	- допущены 3 речевые ошибки	1
Г)	- допущено 4 и более речевых ошибок	0
	Максимальная оценка	26

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 8-м классе – 76 баллов.

9-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырехбалльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

<u>Пример использования шкалы</u>. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» — 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 15 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр — оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания

- 1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0-10-20-30.
- 2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 - 5 - 10 - 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 –3 – 7 – 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 -3 - 7 - 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых,

грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u>: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u>: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 - 1 - 3 - 5.

Максимально возможный балл – 70 баллов.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Критерии оценивания

- 1. Верное определение поэта героя стихотворения (В.А. Жуковский) 2 балла.
- 2. Аргументированное объяснение своего выбора с опорой на текст стихотворения 3 балла.
 - 3. Полнота и фактическая точность комментариев 20 баллов.
- 4. Точность жанрово-стилевого оформления комментариев, грамотность речевого оформления работы -5 баллов.

Максимально возможный балл – 30 баллов.

Примечание: Задание нацелено на проверку как литературной и историкокультурной эрудиции участников олимпиады, так и умения создавать фактически и стилистически точный научный комментарий к тексту. В том случае, если участник олимпиады неверно определил поэта, но правильно прокомментировал исторические события или мифологические аллюзии, работа проверяется по критериям 3 и 4.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 9-м классе – 100 баллов.

10-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырехбалльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

<u>Пример использования шкалы</u>. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» — 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 15 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр — оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания

- 1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 10 20 30.
- 2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 - 5 - 10 - 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 -3 - 7 - 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 –3 – 7 – 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0-1-3-5. Максимально возможный балл -70 баллов.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Критерии оценивания

- 1. Верное определение поэта героя стихотворения (А.С. Пушкин) 2 балла.
- 2. Аргументированное объяснение своего выбора с опорой на текст стихотворения 3 балла.
 - 3. Полнота и фактическая точность комментариев 20 баллов.
- 4. Точность жанрово-стилевого оформления комментариев, грамотность речевого оформления работы 5 баллов.

Максимально возможный балл – 30 баллов

Примечание: Задание нацелено на проверку как литературной и историкокультурной эрудиции участников олимпиады, так и умения создавать фактически и стилистически точный научный комментарий к тексту. В том случае, если участник олимпиады неверно определил поэта, но правильно прокомментировал исторические события или мифологические аллюзии, работа проверяется по критериям 3 и 4.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 10-м классе – 100 баллов.

11-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ Целостный анализ текста

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырехбалльной системе**: первая оценка — условная «двойка», вторая — условная «тройка», третья — условная «четверка», четвертая — условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

<u>Пример использования шкалы</u>. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 15 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр — оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания

- 1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 10 20 30.
- 2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 - 5 - 10 - 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 –3 – 7 – 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 -3 - 7 - 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых,

грамматических ошибок). <u>Примечание 1</u>: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <u>Примечание 2</u>: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 - 1 - 3 - 5

Максимально возможный балл – 70 баллов.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Критерии оценивания

- 1. Верное определение поэта героя стихотворения (Денис Давыдов) 2 балла.
- 2. Аргументированное объяснение своего выбора с опорой на текст стихотворения 3 балла.
 - 3. Полнота и фактическая точность комментариев 20 баллов.
- 4. Точность жанрово-стилевого оформления комментариев, грамотность речевого оформления работы 5 баллов.

Максимально возможный балл – 30 баллов

Примечание: Задание нацелено на проверку как литературной и историкокультурной эрудиции участников олимпиады, так и умения создавать фактически и стилистически точный научный комментарий к тексту. В том случае, если участник олимпиады неверно определил поэта, но правильно прокомментировал исторические события или мифологические аллюзии, работа проверяется по критериям 3 и 4.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 11-м классе – 100 баллов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1. Анализ драматического произведения / Под ред. В.М. Марковича. Л., 1988.
- 2. Анализ одного стихотворения / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985.
- 3. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2006.
- 4. Гаспаров М. Л. «Снова тучи над мною...». Методика анализа. http://www.durov.com/literature2/gasparov-97b.htm.
- 5. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001.
- 6. Зинина Е. А. Основы поэтики. Теория и практика анализа художественного текста. М.: Дрофа, 2006.
- 7. Литература Вятского края. Модели учебных занятий для внеурочной деятельности и дополнительного образования учащихся: 10-11классы: учебно-методическое пособие / Авт.-сост. и науч.ред. Т.В. Кошурникова. Киров: ИРО Кировской области, 2015.
 - 8. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб., 1996.
- 9. Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0398_Vnutrennij_mir_1968.pdf.
 - 10. Поэтический строй русской лирики / Ответ. ред. Г. М. Фридлендер. Л., 1973.
- 11. Румянцева Э. М. Анализ художественного произведения в аспекте жанра / Пути анализа литературного произведения // Под ред. Б. Ф. Егорова. М., 1981.
- 12. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы (1923) // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М., 2007.
- 13. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974.
- 14. Тодоров Л. В. Русское стихосложение в школьном изучении. М.: Просвещение, 2009.
 - 15. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. М.: КДУ, 2006.
- 16. Энциклопедический словарь для юношества. Литературоведение. От А. до Я / Сост. В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. М., 2001.
 - 17. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах. М., 1970.

Интернет-ресурсы

- 1. http://lit.rusolymp.ru: Информационный портал Всероссийской олимпиады.
- 2. http://lit.1september.ru: Журнал «Литература» и сайт для учителя «Я иду на урок литературы».
- 3. http://www.feb-web.ru: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор».